

Андрей Ротнов

Вкус полыни

Сборник рассказов

Андрей Ротнов

Вкус полыни. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Ротнов А. Ю.

Вкус полыни. Сборник рассказов / А. Ю. Ротнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749011-9

В эту книгу вошли почти все произведения, написанные мной за период, начиная с момента начала творческой, писательской карьеры в 2003 году. Само название «Вкус полыни» оправдывается тем, что все сюжеты, в основном, взяты из реальной жизни и вымучены моими размышлениями о негативных явлениях, напоминающих разжеванную травинку полыни. Точно такая же горечь скопилась в моей грешной душе, и сколько не плюйся, от этого вкуса долго не избавиться.

ISBN 978-5-44-749011-9

© Ротнов А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Хорошие люди	7
Уркаган	9
Таня	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вкус полыни
Сборник рассказов
Андрей Ротнов

© Андрей Ротнов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В эту книгу вошли почти все произведения, написанные мной за период, начиная с момента начала творческой, писательской карьеры в 2003 году и до нынешнего времени. Несколько произведений было опубликовано в различных альманахах и на разных литературных сайтах. Но я стараюсь, как могу, приблизить этот долгожданный момент своего признания.

Назвать книгу сборником рассказов не поворачивается язык, потому что не все произведения таковыми являются. Но само название «Вкус полыни» оправдывается тем, что все сюжеты, в основном все, взяты из реальной жизни, и вымучены моими размышлениями о негативных явлениях, напоминающих разжеванную травинку полыни. Точно такая же горечь скопилась в моей грешной душе, и сколько не плюйся, от этого вкуса долго не избавиться.

Меня не покидает надежда, что книга всё-таки будет опубликована.

Все произведения, вошедшие, в этот сборник подбирались, спонтанно и даже не в хронологическом порядке. Единственная особенность, это то, что в сборнике будут присутствовать почти все произведения за этот период. И пусть, даже если, эти произведения не отвечают многим требованиям, и в какой-то мере вовсе не являются художественными, и тем более литературной ценностью.

Хорошие люди

– Пиши про конкретных людей, – сказал редактор газеты, – читатель должен взять газету, мельком пробежать глазами по строчкам и почувствовать облегчение. Ведь газета является своего рода развлечением, стимулом, сулящим отдых.

Возразить нечего, но где-то в глубине души зарождается противоречие. Спорить не было сил и смелости. Ведь я пришёл показать для оценки свои творения. С надеждой на то, что они понравятся, и их напечатают. Но они бесповоротно были отвергнуты. Вот она нелепая наивность. Желание во что бы то ни стало стать известным. Всё это лишь амбиции. Нет! Я не в обиде, за отвергнутую чушь, мною написанную. И даже благодарен.

В общем-то, редактор, наверное, хороший человек и лучше меня разбирается в литературе. Так что его отказ всего-навсего лишь спровоцировал меня отнестись к своим работам критически и заставил работать над собой, более внимания уделять классическим произведениям нашей литературы.

По совету этого же, мною уважаемого редактора, обратился в писательскую организацию города, к известному в наших краях писателю – Алексею Михайловичу Святынину. Чудесный и хороший человек. Правда сказать, я его мало ещё знаю, но всё равно, милый и приветливый. Он отнёсся ко мне с пониманием и участием. С его слов, он долго и упорно разбирал мои каракули, написанные мелким, бисерным почерком, в целях экономии бумаги. Он-то и узрел во мне искру таланта, способность к писательству. И за это я ему благодарен от всей души. Жаль только, что видеться приходилось не очень часто, как хотелось бы.

Меня постоянно мучает бессонница, спать приходится по 2—3 часа в сутки. И вот тогда рождаются сюжеты, оригинальные названия и интересные мысли. Только успевай записывать, только не ленись.

Да! Много пришлось повозиться с моими опусами Алексею Михайловичу. По его замечаниям, по много раз приходилось переписывать одно и то же. Прочтёшь, кажется, написал шедевр. Отнесёшь к А.М... Он прочтет, и обязательно найдёт что-нибудь и сделает замечание. Много приходится потрудиться, для того, чтобы, то, что написал, было более или менее интересным для чтения. Спасибо А. М. И низкий поклон от всего сердца. Хороший человек!

Однажды... Это было спустя несколько месяцев со дня начала моей творческой карьеры. Так вот. Внезапно навалилась болезнь. Вернее, очередной её приступ, спровоцированный обыкновенной простудой. То, что это болезнь, сомневаться не приходится, хотя и не подтверждено медиками... Только потому, что я к ним не обращаюсь. Придавило так, что не продохнуть. Да ещё эта проклятая бессонница. Сил едва хватало двигаться по комнате. Да ещё истощение организма – часто приходилось голодать... По нескольку дней. Собственно говоря, обязан, наверное, болезни приобщению к писательству. Когда нет сил и возможности работать физически. Ноги, руки есть, и голова работает. Почему бы ни попробовать? Ведь кушать-то хочется. Наивно? Пусть так! Нисколько не хочется драматизировать ситуацию, для того, чтобы вызвать к себе жалость. Просто без этих разъяснений, на мой взгляд, нет возможности обмолвиться об ещё одном хорошем человеке.

Вместе со своим очередным опусом для ознакомления или оценки, какая разница, отправил в писательскую организацию несколько виршей в качестве первого опыта в стихосложении и письмо, в котором изложил своё жизненное положение.

В ответ получил своего рода мини-рецензию с указанием моих ошибок и маленькую приписочку Натальи Владимировны Лимановой, готовой в случае необходимости пожертвовать несколькими килограммами картошки и банкой огурцов. Чем не хороший человек? И я нисколько не иронизирую. Просто хочется сказать спасибо. Хоть и запоздалое.

К весне, я, конечно, оклемался и нашёл работу. Было не до писанины. Работали по 14—16 часов. Какой там полноценный отдых, поесть нормально не оставалось времени, да и с финансами проблема. И вот тут хочется сказать ещё о двух хороших людях. Две сестры, Надя и Люба, хозяйки одного из кафе, на протяжении целого месяца, кормили нас, троих бедолаг, борщом. Заметьте – бесплатно! Не зря говорят, хорошего человека должно быть много.

Радость продолжалась не долго. Я оставил работу. Сказался напряженный график и бешеный ритм. Не хватило сил и здоровья противостоять. Наступила апатия. Ничего в жизни не радовало, всё было безразлично. Хотелось прекратить своё существование. Но вновь появился в моей жизни хороший человек. Заставивший меня взглянуть на жизнь по другому. Мы не знакомы. Но я был бы счастлив познакомиться. Но, увы! Знакомство остаётся пока только в мечтах.

Зовут её Наденька. Она художница, хотя и инвалид. Не просто художница, а очень талантливая, и, несомненно, с блестящим будущим. Только её «жажда жизни» возвратила мне веру в себя. Только её стремление, во что бы то ни стало смотреть на мир особенно, видеть хорошее и не обращать внимания на неудачи. Разве нельзя сказать, что она хороший человек?

Возможно, я слишком сентиментален и живу одними только эмоциями. Может быть. Но, наверное, все люди причастные к творчеству эмоциональны. Быть может, я ошибаюсь. Но речь не обо мне. Я умышлено не пишу о творчестве приведенных для примера мною людей. Это нужно читать, слышать, кушать и видеть самому. А на вкус и на цвет – товарищей нет.

Для меня все люди хороши. И даже тот бомж, что сидит у большого магазина и просит подаяния. И я уверен, что как только он наберёт нужную сумму – пойдёт и пропьёт её. Может же быть такое, что в своём недалёком прошлом, этот человек был хорошим семьянином, работягой и просто душкой. Но что-то заставило его упасть так низко.

На моём жизненном пути встречалось немало хороших людей, но составить список и озаглавить его: «Хорошие люди» – неинтересно. А писать о каждом в отдельности жизни не хватит.

В своей жизни я сделал много промахов и ошибок. И искренне в них раскаиваюсь. Я изменился.

Любите друг друга! Независимо от вероисповедания и религии, независимо от расы и национальности, независимо от пола. Любите! И умейте прощать. И вы будете хорошими людьми.

Я тоже, в общем-то, неплохой человек. Судите сами!

Уральск. 19.01.–31.01.2006г.

Уркаган

Был конец ноября, и после ночного заморозка наступила оттепель. Лужицы, подёрнутые ледком, начинали оттаивать. Туман опускался всё ниже и ниже. Слабый ветерок едва ощущался. Воздух был влажным. Железная дорога от города шла в гору и состав, недавно тронувшийся с вокзала, еще не набравший скорости, шёл медленно, покачиваясь вагонами. Дизельный локомотив, напрягаясь, пыхтел, ноша была тяжела. Последним вагоном состава был столыпинский вагон, с зарешечёнными окнами и открытым тамбуром. Опираясь на перила, в тамбуре стоял солдат одетый в телогрейку-ватник защитного цвета и в шапке-ушанке. С закинутым за спину автоматом, и смотрел на убежавшие шпалы. Медленно затягиваясь сигареткой, небрежно стряхивая пепел, создавая своим видом, ощущение неторопливости и превосходства. Поезд всё выше и выше взбирался на гору, оставляя позади себя ещё спящий безмятежным сном город и шлейф дыма, большими клубами вырывавшегося из выхлопной трубы дизеля. Дорога уходила на Восток.

– Десять лет... Десять лет ... – Саша сидел на нарах второго яруса около окошечка с решёткой и, несмотря на стоявший гомон и весёлую речь его ближайших соседей внизу, его одолевали не очень весёлые мысли. Ему было тоскливо и одиноко, и вспоминались какие-то обрывки фраз, слышанные на суде.

– Встать! Суд идёт! – вертелось в голове, а он смотрел голубыми, как два озера, глазами, в решётку окна на удаляющийся на десять лет, подернутый сизой дымкой город, и от этого вида становилось ещё мрачней на душе.

– Десять лет... Десять лет ... – вспоминалась кусками обвинительная речь прокурора.

– Ты что Малой загрустил? – прервал воспоминания лысый, шербатый дядька снизу.

– А... – махнул рукой Саша.

– Не бойсь! – цыкнул сидевший рядом с ним фиксатый.

– Зима, лето – год долой, девять Пасхов и домой, – улыбаясь, нараспев сказал шербатый.

– Не бойсь, не бойсь, – повторил фиксатый.

Не обращая внимания на галдевших соседей, Саша лёг на нары и под перестук колёс набравшего ход поезда, предался опять своим воспоминаниям. Он вспоминал, как не мог внятно сказать ни одного слова, когда судья предоставил что-то сказать в своё раскаяние и оправдание. Он вспоминал, как по окончании процесса его выводили из зала суда и мама с заплаканными и красными от слёз глазами, с мелкими прядками седых волос и двумя крупными горизонтальными морщинками на лбу, ей ведь нет ещё сорока, сказала, чуть ли не крикнула: – Саша...

– Мама, – еле слышно ответил он. Что он мог ещё ответить. За этими словами было всё, что можно сказать в минуту прощания, когда очень надолго расстаешься, покидая родной дом.

Кати на суде не было...

Саша с Катей были ровесниками, обоим по семнадцать лет. Жили они на одной улице и их дома разделяли каких-то триста шагов. Саша считал.

Саше припомнились прогулки с Катей под вечерним звёздным небом, когда только их освещала луна, свидетельница всех влюблённых. Припомнились те робкие поцелуи, когда они прощались до завтра, стоя у её калитки.

– Э-э, паря! – прервал его воспоминания сосед напротив, прыщавый парень, лет двадцати, со шрамом на левой щеке.

– Что?

– Сколько тебе всучили?

– Десять.

– Ого...

И все окружающие сразу примолкли.

– Ты что же, кассиршу в сбербанке замочил? – спросил щербатый.

– Нет! Подрался на улице, – ответил Саша.

– Ну, ничего себе, – чуть ли не в один голос сказали все. И больше к Саше никто не приставал с вопросами.

– Теперь напрыгаешься по этапам, – посочувствовал фиксатый. А Саша вновь погрузился в воспоминания. Катя слыла красавицей. На всей улице, да что там улице, во всём городе, во всём мире не было красивей её. А кто теперь он?

В голове неотступно свербела мысль, как он, такой молодой, еще не окончивший училища. Мечтавший после учёбы попасть в армию и примерить солдатскую форму, так красиво сидевшую на солдатах, теперь его охраняющих, умудрился попасть на скамью подсудимых и получить такой срок. Ему казалось, что он был прав и срок ему назначенный, несправедлив.

– Десять лет... Десять лет...

Он защищал свою жизнь и жизнь любимой девушки от хулиганов, да каких там хулиганов, от таких же пацанов, как он. Только, пацаны эти, были в лёгком подпитии, у них безумно играла кровь, и хотелось чего-то весёлого и забавного. Чтобы поутру, вспоминая, скрасив тяжесть похмелья, представить свои выходки в героическом свете, своим друзьям-одноклассникам. Но что-то они не рассчитали, или, их неправильно понял Саша, а может они нарвались на парня более смелого, чем они. И вот результат: один оказался за решёткой, а двое других на больничной койке с колото-резаными ранами, как выразился прокурор, языком протокола. И ещё неизвестно, когда они встанут. И неизвестно, кому из них больше повезло: Саше или тем двоим?

Шло время... Летели недели, месяцы и годы. Потихоньку притупилось тяжёлое горе разлуки. Но самым лучшим воспоминанием для Саши было мама и Катя. Приходилось перепрыгивать этапами с зоны на зону, и порой с кулаками отстаивать своё право под солнцем, не вылезая по месяцам из ШИЗО.

Саша вырослел, мужал и набирался ума... А что же Катя? Она быстрее забыла разлуку. Катя стала обзаводиться новыми подругами и друзьями, говоривших, что переживать разлуку легче с вином и в шумных компаниях. С годами Катюша становилась ещё красивей. Пышные, слегка вьющиеся, с тёмным, каштановым отливом ниспадавшие до плеч, волосы; глаза светло-голубые с перламутровым блеском, точно такие же, как у Саши, бездонные озёра; вздёрнутый кверху носик; румяные с ямочками припухшие щёчки – куколка. Она была не просто привлекательной, а обворожительной, с массой поклонников. Её красотой упивались и льстили, как могли. Не одна вечеринка, более-менее шумная компания не обходились без её участия. В любые праздники, в большие или маленькие, был повод погулять и выпить, а какая же шумная, молодая компания обходиться без вина. Частенько, кавалеры приглашали Катюшу то в бар, то в ресторан. И ей это нравилось, было весело и беззаботно. Зачем себя обременять ненужными воспоминаниями, когда вокруг тебя жизнь цветёт и распускается всеми красками радуги. Живи и радуйся, лови моменты счастья. Жизнь – лотерея. Когда ещё вытянешь счастливый билет?! День проходил за днём. Один ухажёр сменялся новым. С кем-то идёт в кино, с другим на танцплощадку, а с этим в бар. С другим посидеть в кафе, а вот этого уговорить на ресторан. А там музыка, веселье, танцы и выпивка, и опять танцы до упаду.

– Десять лет... Десять лет...

Саша вернулся домой, позади трудности тюремной жизни и изменения взглядов на вольную жизнь. И это был уже не тот Саша, каким он был раньше. Всё близкое и родное казалось другим. Как будто, и улица, и дома всё те же, а изменения есть. И дом Кати вроде всё тот же, но уже какой-то чужой. И вот у калитки Катя с кем-то стоит. Да не может быть.

– Десять лет... Десять лет...

В руке Саши сверкнул острый нож...

Таня

*«Всё это простое, незначительное,
обыкновенное, тысячу раз виденное
– всё это и есть то главное, за что
мы и любим эту жизнь»*

А. Ким

...Таня отчаянно сопротивлялась, что было мочи, насколько хватало сил. Она билась как в истерике, извиваясь всем телом пытаясь вырваться, но ей не удавалось. Руки были схвачены будто железными тисками и прижаты к телу, а шею перехватили большие сильные пальцы, как клещи, сдавливающие горло так, что помутнело в глазах, и не было никакой возможности чуть-чуть глотнуть воздуха, не то чтобы кричать и звать кого-то на помощь.

Лицо Тани стало красным, налитым кровью, она закатила глаза и, потеряв сознание, расслабилась и обмякла телом, вытянув ноги. Голова запрокинута, тёмно-каштановые волосы с красноватым оттенком, по всей вероятности крашенные, так как у корней они приобрели свой естественный коричневый цвет, разметались, руки так и остались лежать на груди. Подол платья оторван и откинут в сторону, обнажив ровные, красивые ноги и часть тела. Только на одной ноге была босоножка, другая валялась в стороне.

Он, видя, что девушка обмякла и кажется, умерла. Услышав вдалеке приближающиеся голоса и смех, встал, тяжело дыша, как после трудной работы, взял сумочку, достал паспорт, и скрупулезно пересчитав деньги, отправил их в свой карман, сумочку забросил в кусты, подальше от дорожки, легко и мягко ступая, отправился в противоположную от доносившегося шума сторону.

Стоял прекрасный и погожий по-летнему жаркий день. Ветра ни даже лёгкого дуновения, воздух, будто замер, но в парке, в тени раскинувшихся деревьев живительно прохладно и свежо, от земли и травы тянуло сыростью и запахом прелых листьев. Тучками летала мошкара, и пели свою пискливую песню комары. Раздавался кое-где щебет птиц, и вокруг стрекотали кузнечики, прыгающие по траве, у них нет другого дела.

Таня лежала в высокой траве. Без сознания пробыла не долго, очнувшись, она открыла глаза и увидела верхушки деревьев и сквозь дрожащую листву кусочки голубого неба с белыми как вата облаками. Она хотела закричать, чтобы позвать на помощь. Но у неё не получилось, в горле саднило и першило, крик как бы застрял. С трудом, перевернувшись на живот, она встала на четвереньки, руки ломило, будто по ним били молотком или проехал гусеничный трактор и все кости казались раздробленными. Кружилась голова, и слегка подташнивало.

Преодолевая боль в руках, опиравшись на дерево, она попыталась встать, но стоять в одной босоножке неудобно. Она опять опустилась на четыре точки опоры и принялась искать вторую босоножку. Когда она его нашла, то радости было мало – оказался сломанным каблук, и лопнула пополам подошва. Она села и стала снимать с ноги босоножек. Пальцы дрожали, руки тряслись, и ремешок не хотел поддаваться. Только тогда она обратила внимание на свои руки; на запястьях огромные синяки-кровоподтёки, как браслет шириной в три сантиметра. Постепенно приходя в себя, она встала и, придерживая оторванный подол платья, тихонько побрела к выходу из парка. Обычно в это время в парке много народа, особенно мамаш с малышами и пожилых людей пенсионеров. Но видимо жара делала своё дело и люди предпочитали находиться по квартирам, перед вентиляторами и кондиционерами, чем идти по жаре, прежде чем очутится в прохладе парка.

Это, собственно был не парк и не сквер, а обыкновенный лес, разделяющий два микрорайона, чудом сохранившаяся от вырубки во время строительства зелёная зона в черте города.

Там даже дорожки просто протоптаны, да так, что мало, чем уступали асфальту и в дождь тверды, петляли и изгибались, обходя деревья.

Мысли блуждали и путались, ища выхода, но что предпринять она не знала. «Может быть, обратиться в милицию» – подумала она. Но что из этого выйдет, не сочтут ли её за девочку лёгкого поведения, которая сама спровоцировала этот инцидент. Да разве милиция сейчас отвечает за кого-то, они должны соблюдать порядок. Правда ей и раньше приходили мысли о том, что нужно научиться защищать себя самой. Хотя она и училась в частной школе на курсах самообороны, но чему можно научиться за несколько занятий, да к тому же занятия проходили раз в неделю, да и времени не хватало. Таня полностью отдалась учёбе и большую часть времени проводила за чтением медицинской литературы, не позволяя себе расслабиться даже в дни каникул, чтобы осуществить давнюю мечту – стать настоящим врачом. Приобрести самостоятельность и независимость от родителей. Но не такую, какую получали подруги, скоропалительно выскакивая замуж. Для того чтобы избавиться от родительской опеки, впадая в новую зависимость от супруга. Она мечтала о совсем другом.

Больше ничего не приходило в голову, и внезапно созревшее решение было принято. Выйдя по утоптанной дорожке из парка на «свет Божий», где нещадно палило солнце, Таня, не раздумывая, направилась в отделение милиции, расположенное недалеко от её дома. Терпя боль, ступая босиком по камушкам и гальке, от попадавших под ноги и впивавшихся острыми краями в подошвы. Время послеобеденное, и люди, шедшие на встречу, спешащие по своим делам, сторонились и шарахались от неё как от прокаженной. Уступая ей дорогу, недоуменно пожимая плечами. Вид девушки вызывающий.

Таня дошла до восьмиэтажного здания. На первом этаже, в помещении бывшей швейной мастерской, о чём напоминала выцветшая, и облезлая вывеска располагалось отделение милиции микрорайона. Она поднялась по ступеням и вошла в открытую настежь дверь. В конце небольшого коридорчика с турникетом стойка под стеклом. На стекле большими красными буквами написано: «Дежурная часть». В тесной комнатке, где с осыпавшейся до кирпичей штукатуркой на стенах, которые явно портили вид госучреждения сидели два милиционера. Один молоденький, лет двадцати пяти, полуразвалившийся на диване кажется, дремал, подставив лицо потоку воздуха от вентилятора. Другой лет пятидесяти, развалившись на стуле перед пультом, изнывая от жары маленькими глотками пил из бутылки пиво. Лицо пожилого милиционера расплылось в довольной ухмылке. На нём форменная сорочка с короткими рукавами, на левой руке выше локтя красная повязка с надписью. Рубаха расстегнута почти на все пуговицы, галстук висел поддерживаемый блестящей заколкой. По груди заросшей густыми волосами, стекал ручейками пот. Большая залысина, как бисером усыпана капельками пота. Увидев девушку, он пристально, маленькими, заплывшими жиром глазками-буравчиками просверлил оценивающе её с ног до головы.

Таня не разбиралась в званиях и не знала, как обратиться. Наивно и немного растерявшись, она сказала: – Дяденька... Но не успела она договорить начатой фразы, дежурный грубо оборвал её вопросом: – Что насильничали?

Улыбаясь толстыми губами, как ему казалось, своей оригинальной шутке, обнажая ровные белые зубы, ехидно добавил: – Пора самой давать. И засмеялся громко и вызывающе. Потом, переменяв резко настроение, серьёзным, не допускающим возражений тоном рявкнул: – Я тебе дам «дяденька», вали от сюда «ковырляка». А то сейчас в «обезьянник» замкну, бичёвка.

Татьяна несколько секунд ошарашено смотрела на представителя власти, а потом резко, как ей показалось, развернувшись, выбежала, наткнувшись по пути на вертушку турникета, что причинило дополнительную физическую боль. Ей казалось, что она бежит во всю силу и уже не слышала, как из двери молодой милиционер кричал: – Девушка! Девушка!

Всё её внимание было поглощено явной несправедливостью по отношению к ней человека наделенного властью, призванного защищать граждан. Таня недоумевала, чем вызван такой приём. Неужели как в поговорке: «Встречают по одежке».

Слёзы наворачивались на глаза, и она готова расплакаться, но что-то её сдерживало. И от этого ещё обидней и больней.

Она не оглядывалась и старалась бежать, не обращая внимания на оторванный подол платья, мешавший ей. Поднявшись на нужный этаж, остановилась у двери, тяжело дыша, впи-лась пальцем в кнопку звонка и держала до тех пор, пока дверь не открыла хозяйка квартиры, Евгения Павловна, у которой снимала комнату.

Она испугано, ещё ничего не понимая, смотрела на Таню. Морщины, испещрившие лицо, узкий и чуть продолговатый нос, седые пряди волос, аккуратно уложенные и по девичьи, завязанные в хвост пёстрой ленточкой, казалось, ничуть не старили её, а придавали солидности. Цветной домашний, ситцевый халат и перекинутое через руку белое полотенце, говорили о том, что она была занята домашними делами на кухне.

– Что случилось? – спросила Евгения Павловна, пропуская Таню в квартиру.

– Так, ничего особенного, – ответила Таня, собирая свою волю в кулак, стараясь быть спокойной, и только увидев своё отражение в зеркале на стене прихожей, расплакалась. Увидев растрепанные волосы, в которых застряла сухая трава и прошлогодние листья, перемазанное всё в разводах лицо и два огромных синяка с желтоватым оттенком на шее, она разрыдалась как ребёнок, со всхлипами и икотой, перемежающейся с похрипываниями. Евгения Павловна принялась её успокаивать и увещевать: – Слезами делу не поможешь. Успокойся, чего не бывает...

Евгении Павловне было уже семьдесят лет, с небольшим хвостиком, хотя она и старалась молодиться, но, в сущности, была «дряхлой и немощной старушкой» – так она себя называла. Что она могла предпринять в такой ситуации, подумав, что нужно время, чтобы девушка успокоилась и пришла в себя, а впадать в панику и пороть горячку не стоит. Время лечит!

Проплакавшись и немного успокоившись, придя в себя от бурных излияний эмоций, навалившихся на молодую девушку, чуть-чуть лишь изредка по инерции всхлипывая, она сказала: – Потом расскажу, тётъ Жень.

Направилась в ванную комнату, сняв на ходу и бросив в угол изорванное платье, достала из шкафа чистое махровое полотенце и банный халат.

Выйдя из ванной, сразу же прошла в свою комнату и, не раздеваясь, легла на кровать.

Евгения Павловна в прошлом педагог, а теперь находилась на заслуженном отдыхе, не стала приставать с расспросами, чтобы не бередить рану. А в том, что что-то произошло, она нисколько не сомневалась, пройдёт время, всё уляжется и Татьяна всё расскажет сама, как бывало прежде.

Однажды Таня уже приходила примерно в таком же виде и тоже была расстроена до слёз. Но прошло некоторое время, она успокоилась и всё как на духу рассказала сама. А случилось это совсем недавно, незадолго до окончания учебного года. Таня возвращалась из колледжа домой и на одной из улиц увидела, как двое подвыпивших парней жестоко избивают подростка, который не мог в силу своих физических возможностей и хрупкого телосложения оказать достойное сопротивление. Немногочисленные прохожие, вечно куда-нибудь спешащие, не вмешивались и проходили мимо. Таня, недолго думая, вернее совсем не думая, решительно бросилась на парней в защиту подростка и оказалась победителем в неравной схватке. Парни ретировались. Хотя Тане тоже досталось, в результате чего некоторая её когда-то пышная одежда пришла в негодность. И, несмотря на то, что она оказалась победителем, ей было горько и обидно, что слабому полу приходится вступать в перепалки с сильными мужчинами, получая синяки и ссадины.

Евгению Павловну устраивала такая постоялица-квартирантка. Девушка жила у неё уже два года и всегда вовремя платила за квартиру и кроме этого выделяла деньги на про-

дукты, а это было большим подспорьем при её скудной пенсии учителя, которой едва хватало на оплату коммунальных услуг и скромное пропитание. Кроме того, она бегала в магазин за покупками и помогала в уборке квартиры.

Таня долго лежала и не могла уснуть, хотя уже была ночь, тихая и безветренная. За окном на небе, ярко, как множество светлячков, мерцали звёзды и нахально светила жёлтая как золотой желток луна. Где-то вдалеке, за открытым настежь окном щебетали ночные птички, неистово стрекотал сверчок, будто пытался перекричать все слышимые голоса ночных обитателей. Издали доносился гул и шорох проезжавших где-то по дорогам машин.

Размышляя о пережитом дне, предаваясь грустным воспоминаниям, она как видеокассету хотела отмотать назад свою память, но всё время проскакивала нужный момент.

Таня уже два года училась в медицинском колледже, ещё оставалось учиться целый год. Таня приехала из другого, и очень далекого города, где не было солидных медицинских учреждений готовивших квалифицированных врачей. Евгения Павловна не была даже дальней родственницей. Чтобы не обременять родителей частыми просьбами о материальной помощи, хотя они вполне обеспеченные, кроме учёбы, во время каникул, в качестве практики подрабатывала за небольшую зарплату в городской больнице нянечкой. Серьёзных дел связанных с медициной ей, конечно, пока не доверяли, но зато могла поспорить и посоревноваться с любым по вождению швабры.

Наконец чуть не под утро, она поймала в своей памяти нужный ей отрывок и включила запись на воспроизведение:

«Утро... Она проснулась рано, ещё не было шести часов и ей не идти на работу, впереди два выходных дня, немного полежала, потянувшись и нежась, никуда не торопясь. За окном вовсю светило солнце, играя лучами и отражаясь солнечными зайчиками на стенах, стекле и паркете. В открытое окно врывался свежий, утренний, навевающий прохладу, подгоняемый сквозняком ветерок. Чирикали и щебетали желтобрюхие синички и пёстрые воробьи, перепрыгивая с ветки на ветку, резвясь, играя и радуясь наступившему утру, купаясь в росе, падающей с листьев, ещё не успевшей испариться от тепла утреннего солнца.

Таня встала с постели, сладко потянулась и пошла в ванную комнату, принять бодрящий утренний душ. Евгения Павловна ещё спала в своей комнате, чтобы не тревожить её, Таня потихоньку прошла на кухню, закрыв за собой дверь, принялась, ловко орудуя кухонной утварью, готовить завтрак.

К тому времени проснулась и Евгения Павловна. Она вышла из комнаты, еда, предназначавшаяся на завтрак уже готова.

– Доброе утро Танечка! – сказала Евгения Павловна, щурясь от слепящего солнца, добавила: – Как сегодня спалось? А я сегодня плохо спала, видела дурной сон.

– С добрым утром! – ответила Таня, – спала как всегда – как убитая.

– Я не суеверна и не верю в предрассудки, но какое-то предчувствие томит сердце.

– Да что вы такое говорите, тётъ Жень, – несколько удивлённо сказала Таня.

Сели вместе завтракать, кушали молча, лишь изредка поглядывая друг на друга.

– Танечка, сходи, пожалуйста, в булочную и купи батон «Бородинского» и чего-нибудь к чаю.

– Хорошо, – ответила Таня.

Возвратившись из магазина, они вдвоём посидели у телевизора. Показывали очередную серию забавного мультлика. Потом Таня принялась за уборку квартиры. Нужно помыть пол, натереть паркет, вытряхнуть ковры и дорожки; да ещё много предстояло работы по дому, на то он и выходной день, хотя и был понедельник; она работала по суткам и два дня отдыхала.

Так тянулось время, незаметно пролетая за делами и заботами, постепенно превращаясь в прошлое, оседая где-то в уголках памяти.

После уборки Таня вновь присела перед телевизором, показывали сериал «мыльной оперы», который она не могла никак пропустить, переживая вместе с его героями любовь и страсть, горе и разлуку.

– Танюша, – обратилась Евгения Павловна, когда сериал закончился, – ты не забыла про мусор?

– Да, да, уже иду, – ответила Таня и опрометью бросилась выполнять поручение. Выйдя на улицу вынести ведро с мусором после уборки, (в их доме не было мусоропровода) возвращаясь, обратила внимание на почтовый ящик – там что-то было. Зашла домой и вернулась с ключом от почтового ящика, открыла его и обнаружила извещение о денежном переводе на две тысячи рублей от родителей. Они часто высылали ей небольшие суммы, для поддержания и успешного завершения учёбы. Таня обрадовалась, деньги были на исходе и до получки в больнице ещё несколько дней.

Она одела одно из своих лучших платьев, новые босоножки, купленные с прошлой получки, специально для лета; причесалась и, предупредив Евгению Павловну, пошла на почту. Почта находилась не очень далеко, но в другом микрорайоне.

Отстояв на почте очередь к окошку кассы, предъявила квиток и паспорт, получила положенную сумму; тут же не отходя от кассы, прилюдно пересчитала и вместе с паспортом положила в сумочку из белого дерматина с огромной бляшкой-застёжкой цвета золота».

– О, Боже! – вслух произнесла Таня, только сейчас вспомнила о сумочке, в которой остались ключи от квартиры, деньги и всякая мелочь, какую носят обычно девушки в сумочках. Таню охватил озноб и по спине пробежал неприятный холодок, тело покрылось мурашками и стало похожим на гусиную кожу, а из глаз готовы брызнуть слёзы. Немного поразмыслив и успокоившись, она приняла решение: сходить и поискать сумочку. Снова включила свою память, подробно вспоминая события горького дня: «Купив конверт, написать родителям письмо, вышла с почты и пошла той же дорогой, проходящей через парк.

Солнце палило нещадно, нагревая асфальт, что он становился мягким, каблучки проваливались как в незастывший раствор и застревали. Идти через парк одно удовольствие, вдыхая свежесть зелени леса и ароматы листвы и сочной травы парка. Вокруг щебетали и чирикали птички, стрекотали кузнечики, прыгая туда-сюда, порхали бабочки, раскрашенные в причудливые и разнообразные цвета, летали вертолётными стрекозы, а иногда по деревьям проносились рыжая, пушистая и хвостатая белка, прыгая с дерева на дерево и исчезая в неизвестном направлении.

Деревья, склонившиеся над дорожкой, образовали тоннель, закрывая от солнца и тем самым, создавая прохладу и благоухание леса.

Таня углубилась в глубину парка, людей никого не было, стояла тишина, прерываемая шуршанием листвы, скрипом деревьев и трескотнёй птиц. Вдруг рядом внезапно ощутила и услышала тяжёлое дыхание и запах перегара, и в тот же момент почувствовала сильный удар, отбросивший её с дорожки на несколько метров. Что-то тяжёлое навалилось на неё, руки были зажаты, ими нельзя шевельнуть, в горло впилась чужая рука. Дышать стало трудно и невозможно. Лица разглядеть не могла, всё поплыло как в мутном и сизом тумане».

Что произошло дальше, она не могла вспомнить. Воображаемая плёнка памяти кончилась, но её до сих пор сотрясал ужас. Таня просто так, больше ни о чем, не думая, смотрела в окно; на ночные, готовые погаснуть от приближающегося рассвета, звёзды, разбрызганные по небу и на луну, которая временами будто накрывалась покрывалом, пытаясь спрятаться за облаками на ночном загадочном небе. Под убаюкивающую музыку ночи, как под игру на флейте играющую колыбельную, она погрузилась в безмятежный, успокаивающий и мирный сон...

Утро озарилось восходящим красным солнышком, что предвещало жаркий и знойный день, но ещё веяло ночной прохладой. Дул легкий утренний ветерок, навевая в открытое

настежь окно утреннюю свежесть. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву деревьев, проникали в комнату, играя и резвясь солнечными зайчиками и полосками света, шаря по стенам и полу, будто в поисках потайных и укромных мест и уголков.

Таня ещё спала, с чуть-чуть приоткрытым ртом, по-детски безмятежно раскинув руки, натянув на ноги уголок покрывала. Евгения Павловна хлопотала на кухне, готовя завтрак, хотя за всю ночь не сомкнула глаз, переживая и осмысливая случившееся с квартиранткой, будто это её дочь. Вовсю гудел чайник, изрыгая как кратер вулкана из-под крышки и дульки носика пар. После вчерашних событий Евгения Павловна не хотела тревожить и будить Таню – пусть выспится.

Таня проснулась, открыла глаза и потянулась всем телом, сгоняя последний сон, но он не хотел уходить. Она расслабилась и, не став нежиться в постели, встала, поправив уголок завёрнутого и скомканного покрывала, пошла, умываться, изменив своей давней привычке принимать по утрам душ. Тяжело и тоскливо, после проведённой почти бессонной ночи и непонятный осадок, где-то внутри, ещё теплился. Она не хотела показывать вида, удручающего её внутреннюю плоть.

Она вошла на кухню.

– Доброе утро, тётъ Жень, – сказала Таня, позёвывая и сгоняя последние остатки сна, стараясь улыбаться и придать своему лицу беззаботный вид.

– Утро доброе, Танюша, – в тон ей ответила Евгения Павловна, и, не дожидаясь, когда Таня начнёт рассказывать, спросила: – Что случилось?

Вопрос был задан тоном, не терпящим возражений, от которого у Тани пробрал по коже мороз и по спине пробежали мурашки, но во взгляде Евгении Павловны лучились доброта и участие, а на губах некоторое подобие улыбки. Она, наверное, думала, что Таня опять кого-то защищала или просто ввязалась в какую-то драку. Чтобы разрядить обстановку и сгладить резкий тон, она взяла Таню за руку, чуть-чуть её поглаживая.

Таня нахмурила лицо, насупила нос, как провинившийся школьник, не выучивший урок и уже готовыми брызнуть из глаз слезами, начала свой рассказ. Она морщилась и сопела, зрачки глаз, то становились маленькими, то расширялись, чуть ли не во весь белок.

Евгения Павловна не перебивала, а только сокрушённо охала и вздыхала, временами повторяя: – О, Господи! Когда она услышала про милиционера, как бы оправдывая его, сказала: – Бывают и такие, до пенсии осталось пару лет, вот и не выгоняют. Ещё не дослушав до конца, Евгения Павловна встрепенулась, взмахнула руками, как крыльями старая клуша, что из-за повязанного платка выбились седые пряди волос, она сразу засуетилась.

– Ну что же ты стоишь? Одевайся скорее, – сказала она и бросилась в свою комнату, так быстро, насколько позволяла старость.

Они шли молча. Евгения Павловна держа Таню под руку, семенила, едва поспевая за ней, и из груди при выдохе слышался свистящий шелест, как у астматика. Таня же напротив, ступала величаво и грациозно, как на подиуме, слегка покачивая бёдрами в такт шагам. И казалось, не Евгения Павловна ведёт Таню в милицию, а наоборот.

Всё те же ступеньки, всё тот же турникет, и дверь распахнутая настежь. Только за пультом того милиционера не было, сидел другой, молодой и подтянутый.

– Женщины вы что хотели, вы по повестке? – спросил милиционер, встав со стула и подавая к окошечку.

– Меня хотели убить... – начала Таня, но запнулась, думая, что сказала не то, но тут же приходя ей на выручку, вмешалась Евгения Павловна.

– Молодой человек! У нас чрезвычайное дело...

И она вкратце рассказала, что произошло.

У милиционера округлились глаза, и он на какое-то время потерял дар речи, но, овладев собой, снял тут же трубку телефона с пульта и нажал клавишу.

– Толя, здесь по твою душу пришли, – сказал милиционер, и, обращаясь к женщинам, предложил им присесть на скамейку напротив. Потом снова говорил по телефону, но женщины не слышали.

Через несколько минут появился милиционер и, не заходя в дежурку, взглядом указал на женщин, спрашивая – они ли? Он подошёл к ним, представившись: – Старший лейтенант Мартынов, следователь. Я сейчас расследую аналогичные случаи. Он пригласил их пройти за ним и повёл в свой кабинет в конце коридора. Он спросил Евгению Павловну: – Вы мама? Та отрицательно покачала головой и ответила: – Нет, я квартирная хозяйка – Евгения Павловна, она у меня снимает комнату.

Мартынов извинился перед ней: – Извините, пожалуйста, уважаемая Евгения Павловна, но мне надо опросить потерпевшую, а вы обождите здесь, на скамеечке.

Войдя в кабинет, он предложил: – Присаживайтесь. И поставил для неё стул подле стола, а сам прошёл по другую сторону и тоже сел. Пока он доставал из ящика стола кипу цветных фотографий и веером раскладывал на столе, Таня изучала обстановку, где она впервые находилась.

Первым, что привлекло её внимание, вделанный в стене распределительный щит, справа от неё, с множеством выключателей, и отсутствовавшей одной дверкой. Сразу же за ним, почти в углу, стоял окрашенный в коричневый цвет металлический шкаф со стеклянной вазой на нём, наполовину наполненной мутной водой и засохшими цветами. В кабинете два стула и два стола, один стоял у стены с накрытой дерматиновым чехлом пишущей машинкой.

Изучение обстановки прервал голос Мартынова: – Расскажите, пожалуйста, поподробнее, что же произошло, а я буду записывать ваши показания в протокол и может, появятся какие-то вопросы, но для начала, давайте познакомимся, это нужно не мне лично, а для протокола. И так... Ваша фамилия, имя, отчество, год рождения?

– Кокорина Татьяна Александровна, 1985 года рождения.

– Вот и прекрасно, меня зовут Анатолий Сергеевич. Так что же всё-таки произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.